1-й экз.

ИСТОРИЯ СССР

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
99747

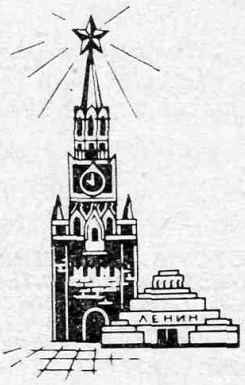
АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

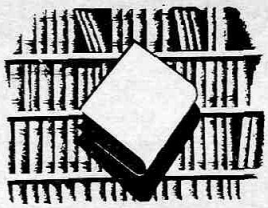
ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ
6 РАЗ В ГОД

4·1985
ИЮЛЬ·АВГУСТ



ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
МОСКВА



Б. Н. МИРОНОВ

ГРАМОТНОСТЬ В РОССИИ 1797—1917 ГОДОВ

Получение новой исторической информации с помощью методов ретроспективного прогнозирования *

В настоящее время советская историческая наука располагает большим арсеналом приемов и методов изучения прошлого [1]. И все-таки при исследовании тех или иных проблем продолжает существовать дефицит данных, преодоление которого тесно связано с поиском новых способов повышения информационной отдачи источника [2].

В настоящей статье мы обращаемся к редко используемому историками способу получения исторической информации — к реверсивному

* Краткое изложение этой методики см.: Миронов Б. Н. Историк и социология. Л., 1984; Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тезисы докладов IV Всесоюзной конференции. М., 1983.

[1] Сводку данных *о работах по реконструкции исторических текстов* см.: Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 46; Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. Ростов н/Д, 1976, с. 121—146. *О системном подходе и структурном анализе* см., напр.: Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 188—191; Милов Л. В. Татищевские портреты-характеристики и «Симонова летопись».— История СССР, 1978, № 6, с. 76—94; Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979, с. 289—290. *О количественных методах в историческом исследовании* см., напр.: Кахк Ю. Ю. Некоторые аспекты применения математических методов в исторических исследованиях. В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977, с. 165—187; Ковальченко И. Д., Соколов А. К. Итоги и перспективы применения математико-статистических методов и ЭВМ в исследованиях по отечественной истории. В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС, вып. 2. Дооктябрьский период. М., 1978, с. 221—238; Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации (К постановке проблемы).— История СССР, 1982, № 3, с. 129—148. *Об использовании неписьменных источников* см.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977; его же. Старая грамофонная пластинка как объект источниковедения.— Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978, с. 27—37; Подгорных Л. Б. Место искусства в системе исторических источников. В кн.: Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1980, с. 112—115. *О значении внеисточникового знания* см.: Топольский Е. О роли внеисточникового знания в исторических исследованиях.— Вопросы философии, 1973, № 5, с. 76—82; Терешко М. Н. Соотношение источниковой и внеисточниковой информации в историческом исследовании.— Ученые записки Томского ун-та, 1975, № 90, с. 74—79.

[2] См. об этом: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979, с. 8. См. также: Буганов В. И., Трукан Г. А. Актуальные проблемы источниковедения истории СССР.— Вопросы истории, 1977, № 7, с. 9—10.

Таблица 1

Грамотность женщин по возрастным группам в Европейской России в 1797—1897 гг.*

(в %)

Возрастные группы (лет)	Годы										
	1897	1887	1877	1867	1857	1847	1837	1827	1817	1807	1797
10—19	22,7	20,3	16,1	13,1	11,6	10,9	10,3	8,6	6,0	4,7	5,4
20—29	20,3	16,1	13,1	11,6	10,9	10,3	8,6	6,0	4,7	5,4	
30—39	16,1	13,1	11,6	10,9	10,3	8,6	6,0	4,7	5,4		
40—49	13,1	11,6	10,9	10,3	8,6	6,0	4,7	5,4			
50—59	11,6	10,9	10,3	8,6	6,0	4,7	5,4				
60—69	10,9	10,3	8,6	6,0	4,7	5,4					
70—79	10,3	8,6	6,0	4,7	5,4						
80—89	8,6	6,0	4,7	5,4							
90—99	5,9	4,7	5,4								
100—109	4,7	5,4									
110 и более	5,4										

* Подсчитано по: Общий свод по империи результатоз разработки данных Перьой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года, т. 1. СПб., 1905, с. 56—59.

прогнозированию**, или ретросказанию, суть которого в вероятностной научно обоснованной оценке ретроспективы от настоящего к прошлому[3]. На материалах переписей населения России 1897, 1920 и 1926 гг. попытаемся ответить на вопрос, какова была грамотность населения Европейской России в период 1797—1917 гг. В основу методики подсчета нами был положен когортный анализ[4].

В Первой всеобщей переписи населения России в 1897 г. сведения о грамотности городского и сельского населения отдельно для мужчин и женщин распределялись по возрастным группам от 0 до 110 лет (при проведении переписи грамотными считались все, кто умел хотя бы читать, поэтому в дальнейшем к «грамотным» мы будем относить умеющих читать). На основе этих сведений представим уровень грамотности женщин от 1897 г. до 1797 г. (табл. 1). Построена таблица следующим образом. Столбец за 1897 г. — данные об уровне грамотности женщин по переписи. Столбцы за предшествовавшие десятилетия заполнены на его основе, исходя из гипотезы о сохранении в XIX в. отдельным индивидом и поколением в целом приобретенной в детстве и юности грамотности. Эта гипотеза будет верной, если: 1) вымирание грамотных и неграмотных происходит примерно в равной степени, т. е. смертность грамотных и неграмотных почти одинакова; 2) грамотность приобретается, как правило, до 20 лет; 3) некоторое увеличение численности грамотных после 20-летнего возраста компенсируется утратой грамотности теми, кто приобрел ее до 20 лет. В таком случае 10—19-летняя возрастная группа в 1887 г. должна была иметь уровень грамотности 20—29-летних в 1897 г.; 20—29-летняя возрастная группа в 1887 г.— уровень грамотности 30—39-летних в 1897 г. и т. д. до 100—109-летней возрастной группы.

** *Реверсивный* — от лат. *reversus*, обращенный назад, возвращенный.

[3] См.: Никитин Е. П. Метод познания прошлого.— Вопросы философии, 1966, № 8, с. 34—41; Рабочая книга по прогнозированию. М., 1982, с. 7.

[4] *Когорта*, или поколение — люди, родившиеся в один период. Некоторые варианты когортного анализа применялись в земской статистике в конце XIX — начале XX в. См.: Сабанеев И. А. Грамотность крестьянского населения Кинешемского уезда. Кострома, 1902, с. 12—14. Этот же метод использован в работе советского историка М. Н. Кузьмина «Школа и образование в Чехословакии» (М., 1971) и английских исследователей Е. А. Ригли и Р. С. Шэфилда «The Population History of England, 1541—1871: A reconstruction». (Cambridge, Mass, 1981, p. 7—8, 183—184, 715—738).

Чтобы можно было полагаться на представленные в таблице 1 результаты, необходимо доказать достоверность нашей гипотезы, основанной на трех приведенных выше положениях.

Вымирание грамотных и неграмотных происходит в равной степени. Нет достаточно убедительных эмпирических данных и теоретических соображений, которые бы свидетельствовали о том, что грамотность сама по себе влияет — в положительном или отрицательном смысле — на их смертность. Более определенно судить о степени влияния грамотности на смертность могли бы позволить возрастные коэффициенты смертности для грамотных и неграмотных. Но, к сожалению, данные для их подсчета отсутствуют, так как санитарная статистика XIX — начала XX в. подобный вопрос не ставила. Поэтому приходится искать косвенные способы оценки влияния грамотности на смертность и, в частности, обратиться к оценке согласованности в изменении численности грамотных и неграмотных в возрастных группах от 1 до 110 лет и к оценке зависимости между возрастными коэффициентами смертности и долей грамотных по губерниям.

Для первой оценки используем следующее предположение: в случае серьезных различий в уровне смертности грамотных и неграмотных численность грамотных (после достижения максимальной грамотности) будет сокращаться либо быстрее (если смертность грамотных выше), либо медленнее (если смертность грамотных ниже), чем численность неграмотных, что должно нарушить согласованность в изменении числа грамотных и неграмотных. Мера этой согласованности, выраженная через коэффициент корреляции, начиная с 11-летнего возраста, в отдельных возрастных группах (и у мужчин, и у женщин) составила 0,926—0,993 (очень тесная связь). Причем согласованность с повышением возраста росла, достигнув максимума к 60-летнему возрасту (0,99), после чего начала медленно убывать[5]. Это указывает на отсутствие существенных различий в уровне смертности грамотных и неграмотных.

Второй способ оценки влияния грамотности на смертность основывается на следующем предположении: если смертность грамотных и неграмотных существенно различна, то в губерниях, где грамотность населения выше, смертность будет ниже, а там, где грамотность ниже, смертность выше. Вычислив на 1896—1897 гг. возрастные коэффициенты смертности для 50 губерний Европейской России[6], мы подсчитали коэффициенты корреляции между числом грамотных в губерниях и уровнем в них смертности в отдельных возрастных группах. Результаты такого анализа позволяют сделать вывод, что в губерниях с высокой грамотностью была несколько ниже смертность детская и в возрасте 20—59 лет; после 60-летнего возраста смертность грамотных и неграмотных становилась одинаковой.

Подчеркнем, что в данном случае, как и в предыдущем, речь идет не о «чистом» воздействии грамотности на смертность, а о влиянии на смертность условий жизни грамотного человека[7].

---

[5] Коэффициенты корреляции при 95% вероятности статистически значимы.

[6] Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за 1896 и 1897 год.— Статистика Российской империи, т. 48. СПб., 1899; т. 50. СПб., 1900; Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905 (далее — Общий свод результатов Переписи 1897 г.), т. 1, с. 60—62.

[7] Обухов В. М. Экономические причины смертности и вырождения крестьянского населения Воронежской губернии.— Журнал Русского общества охранения народного здравия, 1895, № 11, с. 880—903; Шевченко И. Ф. Смертность населения С.-Петербурга по возрастным группам в зависимости от рода занятий. СПб., 1904, с. 78—80; Шингарев А. И. Заболеваемость населения Воронежской губернии. 1898—1902 гг. Т. 1, ч. 1. Воронеж, 1906, с. 335—345; Смертность населения и социальные условия. Пг., 1916, с. 3; Новосельский С. А. Материал по географии и статистике сыпного тифа.— Научная медицина, 1919, № 2, с. 193.

О незначительном влиянии грамотности на смертность свидетельствует и тот факт, что стандартизированные коэффициенты смертности* (они устраняют влияние на смертность различий в возрастной структуре) на рубеже XIX—XX вв. в городе были выше, чем в деревне[8], хотя по уровню грамотности городское население в 1,6 раза превосходило сельское: 30,7% против 19,1%.

Таким образом, в результате проверки гипотезы о влиянии грамотности на смертность можно считать: смертность в среде грамотных в России конца XIX в. была немногим ниже, чем у неграмотных; до 60 лет неграмотные вымирали несколько быстрее грамотных, после 60-летнего возраста — примерно одинаково.

Грамотность приобретается, как правило, до 20 лет. Согласно данным Переписи 1897 г., и у мужчин, и у женщин возраст максимальной грамотности 14 лет. Однако эти данные сильно искажены аккумуляцией: в «круглых» возрастах (оканчивающихся на 5 и особенно на 0) наблюдается занижение грамотности, в соседних же с ними возрастах — ее завышение. Объясняется это тем, что «круглые» возрасты аккумулировали из соседних возрастов в значительно большей степени неграмотных, чем грамотных[9]. Вследствие относительной недоаккумуляции грамотных процент грамотности занижен в «круглых» возрастах и завышен в соседних. Для устранения аккумуляции используем простейший метод скользящей средней** с 9-летним периодом. Тогда возраст максимальной грамотности придется на 15 лет. Отсюда можно предположить, что в конце XIX в. приобретение грамотности заканчивалось в основном к 16 годам.

Сделанный вывод подтверждается и сведениями о возрасте учащихся в школах. В 1880 г. среди учащихся начальных школ 50 губерний Европейской России на долю 16-летних и более старшего возраста приходилось всего 2,4%, в 1911 г.— менее 1,3% [10]. Правда, в школе население начало приобретать грамотность только с конца XIX — начала XX в.[11] До этого большая часть людей (как правило, молодежь до 16-летнего возраста) выучивалась читать вне школы — самостоятельно, у духовных лиц и т. д.[12] По свидетельству современников, крестьяне (а в сельской местности Европейской России в 1897 г. проживало 86,9% населения страны) очень редко приобретали грамоту после 14-летнего возраста[13].

---

* Стандартизированные коэффициенты смертности — коэффициенты, приведенные к одинаковой возрастной структуре населения.

[8] Новосельский С. А. О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России. М., 1911, с. 22—23.

[9] О возрастной аккумуляции и методах ее исправления см.: Паевский В. В. Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970, с. 55—75; Боярский А. Я. К вопросу о методологии изучения грамотности населения.— Вестник статистики. М., 1928, с. 67—88.

** Скользящая средняя — средняя укрупненных 9-летних периодов ряда динамики, образованных последовательным исключением начального члена ряда и заменой его очередным членом ряда.

[10] Дубровский А. В. Сельские училища в Европейской России и привислинских губерниях.— Статистический временник Российской империи, сер. III, вып. 1. СПб., 1884, с. XLVI; Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Вып. 16, ч. 1. Итоги. Пг., 1916, с. 27.

[11] Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964, с. 17—18.

[12] Глаголев А. Сравнительное обозрение состояния просвещения в России с состоянием оного в прочих европейских государствах.— Журнал МВД, 1835, ч. 16, № 5, с. 311; Тимофеев Я. Грамотность в нашем приходе.— Воронежские епархиальные ведомости, 1866, № 11, с. 238—239; Боголепов И. П. Грамотность среди детей школьного возраста в Московском и Можайском уездах. М., 1894, с. 43; Сабанеев И. А. Указ. соч., с. 19.

[13] Народное образование в Вятской губернии за последние 10 лет (1864—1874 г.). Вятка, 1875, с. 201; Третьяков. Взгляд крестьян на школу.— Устои, 1882, № 11, с. 78—80; Тютрюмов И. М. Народная школа на Севере.— Русская мысль, 1888, март, с. 26—27; Боголепов И. П. Указ. соч., с. 31—32; Семенова-Тян-Шан-

Таблица 2

Роль армии в повышении грамотности мужчин в Европейской России в 1874—1896 гг.*

Годы		% грамотности (средняя невзвешенная)		Рост грамотности (в %)	
рождения	призыва в армию	в годы призыва	в 1897 г.	служивших	всей когорты
1853—1855	1874—1876	21,8	40,6	78,2	18,8
1856—1865	1877—1886	24,8	43,8	75,2	18,9
1866—1875	1887—1896	36,0	49,2	64,0	13,2

* Подсчитано по: Столетие Военного министерства, ч. 3, кн. 1, отд. 2. СПб., 1914, с. 173—174, 298—299, 318—319; Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1894—1896 гг. СПб., 1896—1898; Общий свод результатов Переписи 1897 г., т. 1, с. 56—58.

После введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности обучение грамоте стало обязательным для всех солдат[14]. К концу XIX в. они составляли 25—30% всей численности лиц призывного возраста[15]. Поскольку служба продолжалась в среднем 5 лет, а в армию призывались главным образом 21-летние, то численность грамотных мужчин в возрасте 21—25 лет после 1874 г. возросла. Поэтому данные таблицы 1 нуждаются в корректировке. За ориентировочный показатель роста числа грамотных мужчин после 1874 г. можно принять разницу между грамотностью когорты мужчин при призыве в армию[16] и в 1897 г. (во время переписи населения)[17]. Она составит у призванных на службу 64—78%, а всей когорты, подлежащей призыву,—13—19% (см. табл. 2).

Одновременно с повышением грамотности мужского населения, прошедшего военную службу, происходила утрата грамотности среди тех, кто в армию не попал. Вследствие этого грамотность мужчин не могла возрасти за счет всей величины прироста числа грамотных военнослужащих. Сравнение данных переписей 1897 г. и 1920 г. (см. табл. 3) показывает, что на рубеже XIX—XX вв. грамотность мужского поколения в возрасте 21—25 лет повышалась примерно на 8—9%[18]. Таким образом, армия не только компенсировала утрату грамотности, но и повышала ее.

Итак, второе положение оказалось верным для женщин в течение всего исследуемого периода, а для мужчин — только до 1874 г. После введения всеобщей воинской повинности грамотность мужчин имела

ская О. П. Жизнь Ивана. Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914, с. 30.

[14] Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973, с. 166; Всеподданнейший отчет о деятельности Военного министерства за 1858 год. СПб., 1861, с. 363; то же за 1869 год. СПб., 1871, с. 128—129.

[15] Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи, вып. 2. СПб., 1900, с. X.

[16] О грамотности в России призывников в исторической литературе фигурируют различные цифры, хотя все авторы ссылаются на один и тот же источник — «Всеподданнейшие отчеты Военного министерства» за 1874—1912 гг. (СПб., 1875—1916). Особенно серьезные неточности допущены в работе И. М. Богданова «Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР» (с. 56).

[17] Приблизительность расчета объясняется тем, что грамотность 21-летних призывников была ниже средней грамотности мужчин в этом возрасте в целом по стране (например, в 1896 г.— на 7,1%).

[18] Согласно сведениям, полученным в ходе обследований в конце XIX в., на военной службе приобретали грамотность 3 — 8% общего числа грамотных: Гаврилишев Л. Л. Образование мастеровых Николаевского адмиралтейства и его влияние на производительность их работы. В кн.: Экономическая оценка народного образования. СПб., 1899, с. 125; Погожев А. В. Санитарное обследование фабричных заведений Богородского уезда.— Сборник статистических сведений по Московской губернии. Санитарная статистика, т. 3, вып. 11. М., 1885, с. 192—193; Сабанеев И. А. Указ. соч., с. 19.

Таблица 3

Изменение доли грамотных в одногодичных возрастных группах по переписям 1897, 1920-го и 1926 гг. (1897 г.=100%)*

Возраст по переписи (лет)			Изменение доли грамотных (в %)			
			мужчин		женщин	
1897 г.	1920 г.	1926 г.	1920 г.	1926 г.	1920 г.	1926 г.
12	35	41	124,1	138,9	116,7	134,4
13	36	42	116,9	131,9	106,1	122,2
14	37	43	114,4	128,3	102,2	117,6
15	38	44	114,9	129,0	102,8	117,5
16	39	45	113,3	127,3	100,5	115,0
17	40	46	114,0	128,6	101,0	115,2
18	41	47	113,3	127,6	96,6	109,8
19	42	48	112,0	126,4	94,5	107,5
20	43	49	110,5	124,9	93,8	106,2
21	44	50	108,5	122,9	93,6	105,3
22	45	51	108,8	121,0	92,9	104,4
23	46	52	105,0	118,0	93,2	104,5
24	47	53	102,9	116,4	93,6	104,1
25	48	54	101,0	114,9	93,0	103,6
26	49	55	99,4	112,4	93,8	103,7
27	50	56	97,8	110,6	93,0	102,5
28	51	57	95,8	108,3	92,2	101,3
29	52	58	94,1	106,4	91,3	100,0
30	53	59	92,5	104,4	90,3	98,6
31	54	60	90,8	102,3	90,1	97,9
36	59	65	82,2	93,3	81,6	—

* Необходимые данные взяты из кн.: Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964, с. 87 (влияние округления возраста устранено с помощью аналитического выравнивания).

тенденцию повышаться до 25 лет (включительно). Вследствие этого нельзя уровень грамотности мужского поколения в возрасте 20—29 лет механически переносить на возраст 10—19 лет (см. табл. 1). Расчеты, проведенные по данным переписей 1897 г. и 1920 г., показывают, что в конце XIX — начале XX в. грамотность мужского поколения в возрасте 10—19 лет была ниже грамотности того же поколения мужчин в возрасте 20—29 лет в 1,19 раза, в том числе у сельских жителей — в 1,17 раза, у горожан — в 1,05 раза. У одного и того же поколения женщин в 10—19 и в 20—29 лет грамотность была практически одинаковой (см. табл. 3). Поэтому необходимо внести поправку в таблицу 1: в интервале между 1867 г. и 1897 г. при переходе от 20—29-летней к 10—19-летней возрастной группе одного и того же поколения понижаем процент грамотности мужчин на соответствующую величину.

Увеличение численности грамотных после 20-летнего возраста компенсируется утратой грамотности теми, кто приобрел ее до 20 лет. Бесспорно, что какая-то часть женщин приобретала грамотность после 20 лет, а мужчин — и после 25 лет — самостоятельно и через школы для взрослых и внешкольное образование[19]. Однако система образования для взрослых была развита слабо. Даже в 1905 г. в России действовало всего 1813 школ и курсов для взрослых, где обучалось 112 298 учащихся[20]. Воскресные школы, повторительные классы и вечерние курсы со-

[19] История культурно-просветительной работы в СССР, ч. 1. Внешкольное образование в России до Великой Октябрьской социалистической революции. Харьков, 1969, с. 81—94; Абрамов Я. В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900, с. 1—77.

[20] Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи, вып. 7. Одесса, 1908, с. 272—279, 290—291; Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912, с. 139—140.

средоточивались преимущественно в городах[21]. Надо принять во внимание и то, что возраст половины учащихся в этих заведениях не превышал 15 лет и что в основном учащиеся в них закрепляли образование, а не приобретали грамотность[22].

С другой стороны, бесспорен и факт утраты навыков чтения и письма грамотными людьми, если эти навыки в течение длительного времени не подкреплялись (в литературе это явление получило название рецидива безграмотности). В ходе исследований земских статистиков в 1880—1890-х гг. было выяснено, что уже через 3—4 года после окончания начальной школы рецидив безграмотности имел место у значительной части населения[23]. Например, Н. А. Корф установил, что 8,3% разучились читать или читали, не понимая прочитанного; 7,1% не могли подписаться; 15,2% забыли два первых действия арифметики и т. д.[24]

Таким образом, одновременно происходило три процесса: 1) небольшое увеличение относительной численности грамотных вследствие несколько меньшей (по сравнению с неграмотными) их смертности; 2) приобретение грамотности незначительным числом взрослых; 3) довольно существенный рецидив безграмотности. В каком соотношении находились эти процессы и каков был результат их взаимодействия? Ответ на эти вопросы можно получить сравнением данных о грамотности одних и тех же когорт через большой интервал времени, что возможно сделать на основе переписей 1897, 1920-го и 1926 гг.

Для нас наибольший интерес представляет сравнение данных 1897-го и 1920 гг., поскольку с 1920 г. после декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 30 декабря 1919 г., обязавшего всех в возрасте от 8 до 50 лет обучаться грамоте, началась энергичная борьба с неграмотностью, что нарушило «естественность» процесса утраты грамотности. (Можно предположить, что замедление процесса рецидива безграмотности началось сразу после Октябрьской революции, однако оценить степень этого замедления из-за отсутствия сведений пока не представляется возможным.) Реализация декрета частично отразилась и на результатах переписи 1920 г. За 1920 год грамоте обучилось всего примерно 2,5 млн. человек[25].

С этими оговорками рассмотрим данные таблицы 3. Они показывают, что жизнь каждого поколения мужчин по состоянию грамотности можно разделить на пять периодов: роста (5—15 лет), стагнации (15—20), роста (21—25), стагнации (26—48) и деградации (50 и более лет); поколения женщин — на три периода: роста (5—15 лет), стагнации (16—40 лет) и деградации (41 и более лет). В период роста грамотность быстро возрастала, достигая апогея у мужчин к 25 годам, у женщин — к 15 годам. В период стагнации утрата грамотности одними компенсировалась приобретением ее другими и повышенной смертностью неграмотных, а в период деградации, при ускоряющихся темпах утраты грамотности, рецидив безграмотности перевешивал компенсирующие явления.

Борьба с неграмотностью, проходившая в 1920—1926 гг., отодвинула возраст, когда начинается утрата грамотности женщин на 18 лет (с 41 до 59 лет), мужчин — на 12 лет (с 49 до 61 года), так что у первых

[21] Медынский Е. Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. М., 1918, с. 236.

[22] Абрамов Я. В. Указ. соч., с. 319.

[23] Вахтеров В. П. Внешкольное образование народа. М., 1896, с. 7—12; Ольденбург Г. Ф. Народные школы в Европейской России в 1892—93 гг. Статистический очерк. СПб., с. 88; Чарнолуский В. И. Вопросы народного образования на Первом общеземском съезде. СПб., 1912, с. 12—13; Чехов Н. В. Указ. соч., с. 141; Мижуев П. Г. Как другие народы стали грамотными. М., 1925, с. 66.

[24] Корф Н. А. Образовательный уровень взрослых грамотных крестьян.— Русская мысль, 1881, кн. 10, с. 30—31; кн. 12, с. 4—5.

[25] Народный комиссариат по просвещению РСФСР. 1917 — октябрь 1920 (краткий отчет). М., 1920, с. 78; Луначарский А. В. О народном образовании. М., 1958, с. 234.

Таблица 4

Изменение грамотности у населения Европейской России по данным переписей 1897-го и 1920 гг.*

(в %)

Возрастные группы (лет)		По фактическим данным								По исправленным данным			
		доля грамотных				изменение доли грамотных				изменение доли грамотных			
		мужчин		женщин		мужчин		женщин		мужчин		женщин	
1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	абс.	индекс	абс.	индекс	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.
16—25	40—49	51,5	55,5	18,5	17,6	+4,0	107,8	—0,9	95,1	100	108,5	100	95,3
26—35	50—59	45,5	41,6	13,9	12,5	—3,9	91,4	—1,4	89,9	100	93,8	100	89,0
36+	60+	29,3	25,1	9,4	7,8	—4,2	85,7	—1,6	83,0	—	—	—	—

* На сопоставимой территории в границах 1920 г. Подсчитано по: Общий свод результатов Переписи 1897 г., т. 1, с. 40—43 (Европейская Россия без 11 губерний: Бессарабской, Виленской, Волынской, Гродненской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Подольской, Эстляндской); Статистический ежегодник 1922 и 1923 г. — Труды ЦСУ, т. 8, вып. 5. М., 1924, с. 24—27.

процесс начинался после 58 лет, у вторых — после 60 лет. Отсюда следует, что данными Переписи 1926 г. при исследовании рецидива безграмотности можно пользоваться только для возрастных групп старше 60 лет. Этот вывод важен для нас, поскольку в Переписи 1920 г. все население после 60-летнего возраста объединено в одну возрастную группу.

Определим теперь темпы утраты грамотности 10-летними когортами. Переписи 1897 г. и 1920 г. позволяют сделать это для населения в возрасте 40—59 лет (см. табл. 4). Сравнение десятилетних фактических и одногодичных исправленных данных дает примерно одинаковые результаты об изменении грамотности с возрастом, что допускает использование при изучении рецидива безграмотности как тех, так и других сведений. Индекс снижения грамотности составил: у женщин в возрасте 40—49 лет —95,1—95,3; 50—59 лет —89,0—89,9; в возрасте 60 лет и старше — 83,0; у мужчин в возрасте 50—59 лет — 91,4—93,8; в возрасте 60 лет и старше —85,7.

Темпы утраты грамотности населением в возрасте старше 60 лет можно оценить по данным переписей 1897-го и 1926 гг. (см. табл. 5). Они показывают, что грамотность женщин в возрасте 60—69 лет в 1926 г. снизилась на 11,7—3,4%; 70—79 лет — на 14,9—2,8%; мужчин — соответственно на 21,2—5,1% и на 28,7—6,6%.

Как свидетельствуют данные таблиц 4 и 5, темпы утраты грамотности у мужчин и женщин в отдельных возрастных периодах в городе и деревне различны: грамотность утрачивалась быстрее и раньше у женщин сравнительно с мужчинами, в преклонном возрасте сравнительно со средним возрастом, в городе сравнительно с деревней. На первый взгляд удивляет, что в городе рецидив неграмотности больше, чем в деревне. Причина этого явления состоит в том, что интенсивная миграция сельского населения (менее грамотного сравнительно с городским) в город вызывала понижение средней грамотности горожан, усиливая тем самым явление утраты грамотности[26]. О рецидиве безграмотности у городского населения правильнее судить по всему населению в целом.

Темпы утраты грамотности обусловливались достигнутым уровнем грамотности, интенсивностью культурной жизни и потребностью в грамоте, т. е. тем, насколько грамотность стала функциональной. Об этом свидетельствует тот факт, что утрата полученных в школе знаний была

[26] Например, в 1902 г. грамотность коренного населения Москвы в 2,5 раза превосходила грамотность пришлого населения: Гозулов А. И. Очерки истории отечественной статистики. М., 1972, с. 198.

Таблица 5

Изменение грамотности у населения Европейской России по данным переписей 1897-го и 1926 гг.*
(в %)

Возрастные группы (лет)		Грамотность							
		мужчин				женщин			
		в городе		в деревне		в городе		в деревне	
1897 г.	1926 г.	1897 г.	1926 г.	1897 г.	1926 г.	1897 г.	1926 г.	1897 г.	1926 г.
10—19	40—49	75,9	84,7	41,8	61,0	55,8	54,8	13,6	14,6
20—29	50—59	67,4	76,8	37,1	45,9	46,1	43,7	10,1	8,5
30—39	60—69	64,9	65,5	32,9	33,2	37,2	34,0	7,1	5,3
40—49	70—79	58,8	54,2	26,8	24,5	30,3	25,7	5,5	4,0
50—59	80—89	54,6	39,9	20,4	16,6	26,3	17,6	4,6	3,2
60—69	90—99	50,2	29,0	16,6	11,5	23,0	11,3	4,1	2,7
70—79	100+	44,1	15,4	13,0	6,4	21,2	6,3	3,5	1,7

* На сопоставимой территории в границах 1926 г. Подсчитано по: Общий свод результатов Переписи 1897 г., с. 40—51; Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. 9. М., 1929, с. 122—167; т. 10. М., 1928, с. 66—211; т. 11. М., 1929, с. 64—68.

не одинаковой для различных районов[27], а рецидив безграмотности после определенного возраста быстрее проходил в тех губерниях и районах, где уровень грамотности был ниже, а городская и культурная жизнь менее развитой. Так, с 1897-го по 1926 г. грамотность мужчин, которым в 1897 г. было 50 лет и более, уменьшилась в более развитом экономическом и культурном отношениях Центрально-Промышленном районе в 1,03 раза, в менее развитом Центрально-Черноземном районе — в 1,05 раза, в Сибири — в 1,20 раза; аналогичные показатели у женщин составили: 1,14, 1,18 и 1,21[28].

Чем глубже удаляемся мы в прошлое от рубежа XIX—XX вв., тем ниже уровень грамотности и потребность в ней (в субъективном смысле) для широких слоев населения, тем городская и культурная жизнь менее развита. Вследствие этого можно предполагать, что и утрата грамотности в прошлом проходила быстрее, чем в конце XIX — начале XX в. Однако, с другой стороны, чем дальше назад от рубежа XIX—XX в., тем ниже в стране уровень грамотности, тем ближе она к минимально необходимому уровню (т. е. к такому уровню, когда дальнейшее понижение грамотности может привести к серьезным трудностям в работе государственного аппарата, в отправлении обществом своих культурных, идеологических, политических, правовых и т. п. функций) и тем для большего числа грамотных людей грамотность являлась необходимой, функциональной и потому не утрачивалась с возрастом. Действительные темпы рецидива безграмотности в XIX в. были равнодействующей этих двух тенденций. Какая же тенденция доминировала?

Анализ сведений о росте числа учащихся и грамотных со всей очевидностью показывает, что в пореформенное время рецидив безграмотности нарастал. С 1880—1887 гг. по 1894—1897 гг. в 50 губерниях Европейской России доля учащихся в сельской местности по отношению ко всему сельскому населению увеличилась с 1,8% до 3,0% — в 1,67 раза, грамотность крестьянства за это время возросла с 8,7% до 19,1% — в 2,2 раза; следовательно, рост процента грамотных обгонял рост доли учащихся в 1,3 раза. С конца XIX в. положение изменилось: теперь рост доли учащихся в населении стал обгонять рост процента грамотных. С 1894—1897 гг. по 1910—1912 гг. доля учащихся в сельском населении возросла с 3% до 4,5% — в 1,5 раза, а процент грамотных среди кре-

[27] Чарнолуский В. И. Указ. соч., с. 13.

[28] Подсчитано нами по: Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. 9. РСФСР, отд. 1. М., 1929, с. 136—139, 160—161.

стьянства возрос с 19,1% до 24,8% — в 1,3 раза[29]. Отставание роста процента грамотных от роста доли учащихся — верный признак увеличения темпов рецидива безграмотности. Если бы не было утраты грамотности, процент грамотности среди населения должен был, по крайней мере, увеличиваться в той же степени, что и рост доли учащихся во всем населении.

По-видимому, существенное возрастание темпов утраты грамотности произошло именно с 1890-х гг., когда начальная школа значительно шагнула вперед. Об этом свидетельствует следующий расчет. С 1863—1873 гг. по 1894—1897 гг. грамотность крестьянства в 8 губерниях (по которым имеются данные о грамотности на раннюю дату) увеличилась с 6,1% до 19% — в 3,1 раза (см. табл. 10), а доля учащихся в сельском населении этих же губерний возросла за это время с 1,2% до 2,9% — в 2,4 раза[30]. Следовательно, рост процента грамотных обгонял рост доли учащихся в 1,3 раза, как и в интервале между 1880—1887 гг.—1894—1897 гг.

Нарастание темпов рецидива безграмотности в конце XIX — начале XX в. объясняется рядом обстоятельств. Сильно выросшая в количественном отношении начальная школа давала крестьянству (главному контингенту учащихся) неглубокие элементарные знания: освоить полный курс даже начального образования могла незначительная часть учащихся, происходившая из зажиточных семей. Наконец — и это самое существенное — основная часть крестьянских детей из бедных семей после освоения грамоты не имела реальных возможностей закрепить ее в повседневной жизни, так как крестьяне крайне редко выписывали газеты и покупали книги, да часто просто не имели времени для чтения. Обеднение большей части крестьянства, наблюдавшееся в пореформенный период, служило главным фактором нарастания рецидива безграмотности[31]. В дореформенное время грамота осваивалась сравнительно немногими, но, как правило, с определенной целью, поэтому имела функциональное назначение и у меньшего числа людей утрачивалась.

Таким образом, положение о равновесии процессов распространения и утраты грамотности в поколении после 20-летнего возраста в условиях России XIX в. оказалось несостоятельным. Вследствие этого применение методики, по которой построена таблица 1, приводит к занижению грамотности в возрастных группах старше 40 лет. Однако, если рецидив безграмотности учесть, то прогнозируемые данные существенно приблизятся к действительным.

Анализ изменения грамотности в течение жизни поколения позволяет сделать еще один важный вывод: в условиях царской России XIX — начала XX в. меньшая смертность грамотного населения и приобретение грамотности людьми в возрасте после 20 лет не компенсировали, а лишь несколько замедляли темпы рецидива безграмотности каждого поколения людей. Вследствие этого при учете утраты грамотности ста-

[29] Данные об учащихся: Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г., вып. 16, ч. 1, с. 110; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976, с. 518—524. Данные о грамотности: Благовещенский Н. А. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям, т. 1. Крестьянское хозяйство. М., 1893, с. XII, 128; Общий свод результатов Переписи 1897 г., с. 43, 51; Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956, с. 294.

[30] Дубровский А. В. Указ. соч., с. 88—91; Статистический временник Российской империи. Вып. 1, отд. III, гл. II, с. 47—63.

[31] Материалы по вопросу о введении обязательного обучения в России, т. 1. Сборник мнений директоров и инспекторов народных училищ. СПб., 1880, с. 1—170; Петров В. Очерки по истории грамотности в России.— Новое слово, 1896, октябрь, с. 83—113, ноябрь, с. 35—65; Фальборк Г. А., Чарнолуский В. И. Народное образование в России. СПб., 1899, с. 156—164; Вахтеров В. П. Условия распространения образования в народе. В кн.: Экономическая оценка народного образования. СПб., 1899, с. 84—114; Куманев В. А. Революция и просвещение масс. М., 1973, с. 33—71; Однодневная перепись начальных школ..., вып. 16, ч. 1, с. 72.

Таблица 6

Среднегодовые темпы утраты грамотности по 10-летним возрастным группам *

Возрастные группы (лет)	Население			
	в целом		сельское	
	м.	ж.	м.	ж.
От 30—39 до 40—49	—	0,27	—	0,5
» 40—49 » 50—59	0,16	0,27	0,16	0,56
» 50—59 » 60—69	0,3	0,36	0,3	0,7
» 60—69 » 70—79	0,65	0,75	0,44	0,8
» 70—79 » 80—89	1,75	2,5	1,3	0,86
» 80—89 » 90—99	2,7	2,5	2,4	1,8
» 90—99 » 100—110	3,6	3,7	3,6	1,8—2,2
» 100—110 » 110+	4,5	5,0	—	3,8

* Подсчитано по данным таблиц 4 и 5.

новится *излишним принимать во внимание как различия в смертности грамотных и неграмотных, так и просвещение взрослых.*

Для совершенствования нашей методики подсчитаем среднегодовые темпы утраты грамотности на основе данных переписей 1897-го и 1920 гг. (см. табл. 6).

Учет рецидива безграмотности позволяет применить методику ретросказания для анализа уровня грамотности как мужчин, так и женщин. Но прежде нам надо восполнить ряды отсутствующих данных. Дело в том, что подсчеты возрастной грамотности по Переписи 1897 г. (см. табл. 1) ограничены 110 годами, и чем дальше мы уходим назад от даты переписи, тем больше пробелов в таблице возрастной грамотности. Для точности подсчета среднего по стране процента грамотности пробелы сначала мало чувствительны. Но в 1837 г. и ранее они начинают постепенно сказываться на точности среднего процента грамотности, так как за 1827 г. нам уже недостает сведений о 18,8% населения, за 1817 г. — о 31,7%, за 1807 г. — о 49,8% и за 1797 г. — о 70,5% населения. Отсюда ясно, что учет рецидива безграмотности даст удовлетворительный ретроспективный прогноз только за 60 лет с 1896-го по 1837 г. Поэтому для прогноза грамотности на более отдаленные от переписи годы мы предлагаем экстраполировать недостающие данные на основе регрессионного метода следующим образом (см. табл. 7). Распределение соответствует (без учета рецидива безграмотности) распределению грамотности 10—19-летней когорты за 1797—1897 гг. (см. табл. 1), т. е. статический ряд, согласно нашей методике, превращается в ряд динамический. Если же закономерность, скрытую в динамическом ряду, выразить уравнением регрессии, то можно экстраполировать недостающие данные [32]. Экстраполяция тем лучше, чем ближе она по времени к дате исходных данных. Чтобы сделать прогноз средней грамотности населения на 1797 г. удовлетворительным, достаточно экстраполировать данные о грамотности 10—19-летней когорты на 1787, 1777, 1767-й и

[32] Наилучшим образом связь между временем и грамотностью 10—19-летней когорты выразили уравнения прямых — для мужчин-горожан:

$$y = -681{,}53965 + 0{,}39891\,x$$

для женщин-горожанок:

$$y = -554{,}15055 + 0{,}31833\,x$$

для мужчин — сельских жителей:

$$y = -190{,}83393 + 0{,}11044\,x;$$

для женщин — сельских жительниц:

$$y = -146{,}58964 + 0{,}08527\,x$$

где: x — год, y — процент грамотности.

Таблица 7

Распределение грамотных по возрастным группам за 1897 г.

Возрастная группа (лет)	Грамотных (в %)	Возрастная группа (лет)	Грамотных (в %)
10—19	22,7	70—79	10,3
20—29	20,3	80—89	8,6
30—39	16,1	90—99	6,0
40—49	13,1	100—109	4,7
50—59	11,6	110 и более	5,4
60—69	10,9		

Таблица 8

Грамотность 10—19-летней когорты в 1757—1787 гг.
(в %)

Население	1757 г.	1767 г.	1777 г.	1787 г.
Городское				
мужчины	19,3	23,3	27,3	31,3
женщины	5,1	8,3	11,5	14,7
Сельское				
мужчины	3,3	4,3	5,4	6,6
женщины	3,1	4,1	5,1	6,2

1757 гг. Экстраполяция тем лучше, чем однородней по состоянию развития грамотности изучаемый период. Здесь также имеются благоприятные предпосылки для удовлетворительного прогноза, так как характерной чертой изучаемого периода является медленный рост (с небольшим ускорением во времени) грамотности населения [33].

Результаты экстраполяции отсутствующих данных приведены в таблице 8.

Основываясь на экстраполированных данных о грамотности 10—19-летней когорты и среднегодовых темпах утраты грамотности в старших возрастах можно заполнить значительную часть пробелов в исходных данных.

Теперь нам предстоит реконструировать динамику грамотности в России в 1797—1917 гг.

В соответствии с вышеизложенной методикой мы можем заполнить таблицы возрастной грамотности городского и сельского населения, мужчин и женщин, а также всего населения Европейской России с 1797 по 1917 г. Известно, что для определения средней грамотности любой категории населения надо знать ее возрастную структуру. Сравнение имеющихся данных о возрастной структуре за XIX — начало XX в. свидетельствует о том, что она мало изменялась в интервале 10—110 лет [34]. Это позволяет для всего исследуемого периода использовать единую возрастную структуру 1897 г.

В результате проделанных расчетов получаем общую картину динамики грамотности населения Европейской России за 1797—1917 гг. с учетом рецидива безграмотности и без учета фактора утраты грамотности (см. табл. 9). Из приведенных в таблице показателей следует, что с 1797-го по 1917 г. грамотность мужчин в первом случае возросла с

[33] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII — первая половина XIX в. М., 1973, с. 143—154, 195—223.

[34] Общий свод результатов Переписи 1897 г., т. 1, с. 56—58. О возрастной структуре в первой половине XIX в. см.: Статистический временник Российской империи, сер. II, вып. 1. СПб., 1871, с. 199—208.

Таблица 9

Грамотность населения Европейской России в 1797—1917 гг. в возрасте старше 9 лет *
(в %)

Население	1797 г.	1807 г.	1817 г.	1827 г.	1837 г.	1847 г.	1857 г.	1867 г.	1877 г.	1887 г.	1897 г.	1907 г.	1917 г.
Городское													
мужчины	28,6 / 12,7	32,2 / 13,9	35,7 / 17,1	40,2 / 23,5	45,3 / 32,0	49,6 / 40,3	53,3 / 47,4	56,6 / 53,5	60,0 / 59,3	64,0 / 63,8	69,0	74,1	79,8
женщины	12,0 / 5,1	14,2 / 6,2	18,0 / 8,3	22,1 / 12,3	25,4 / 16,8	27,9 / 20,8	29,8 / 24,5	31,9 / 28,4	35,0 / 33,1	39,8 / 39,0	45,6	53,0	61,1
Сельское													
мужчины	6,1 / 3,3	7,2 / 4,1	8,9 / 5,4	10,8 / 7,5	13,3 / 10,4	16,1 / 13,7	19,1 / 17,4	22,8 / 22,2	26,4 / 27,7	33,2 / 31,2	39,3	45,2	53,2
женщины	5,2 / 2,1	6,2 / 2,7	7,2 / 3,4	8,0 / 4,5	8,5 / 5,5	9,1 / 6,5	9,5 / 7,3	9,8 / 8,2	10,3 / 9,4	11,7 / 11,3	13,4	17,0	22,6
Городское	21,0 / 9,2	23,9 / 10,4	27,6 / 13,1	31,9 / 18,3	36,1 / 25,0	39,6 / 31,3	42,5 / 36,9	45,2 / 42,0	48,4 / 47,1	52,6 / 52,3	57,7	63,8	70,5
Сельское	5,6 / 2,7	6,7 / 3,4	8,0 / 4,4	9,4 / 6,0	10,8 / 7,9	12,5 / 10,0	14,2 / 12,2	16,1 / 15,0	18,3 / 18,1	21,9 / 21,2	25,9	30,6	37,4
Мужчины	8,1 / 4,2	9,2 / 4,9	10,9 / 6,3	13,1 / 8,7	16,1 / 12,3	19,2 / 16,1	22,3 / 20,2	26,3 / 25,5	30,2 / 31,3	37,0 / 35,2	43,2	49,2	57,6
Женщины	5,8 / 2,4	6,9 / 3,0	8,0 / 3,8	9,1 / 5,1	10,0 / 6,5	10,8 / 7,8	11,4 / 8,9	12,1 / 10,3	13,2 / 12,1	15,2 / 14,7	17,6	22,0	28,9
В целом	6,9 / 3,3	8,1 / 3,9	9,4 / 5,1	11,1 / 7,0	13,0 / 9,4	14,9 / 12,0	16,8 / 14,5	19,1 / 17,8	21,7 / 21,6	25,6 / 22,0	30,1	35,3	42,8

* В числителе — с учетом утраты грамотности, в знаменателе — без учета. Для каждой группы населения и для всего населения в целом процедура ретросказания проводилась отдельно.

1,8% до 57,6%, а женщин — с 5,8% до 28,9%; у мужчин она росла значительно быстрее. Ввиду этого различия в уровне грамотности между ними со временем увеличивались: в 1797 г. мужчины в этом отношении превосходили женщин в 1,4 раза, а в 1917 г. — в 2 раза. Грамотность городского населения при учете рецидива безграмотности с 1797-го по 1917 г. выросла с 21% до 70,5%, а сельского населения — с 5,6% до 37,4%. Вследствие более быстрого развития образования в деревне различие в уровне грамотности между горожанами и сельскими жителями сократилось: в 1797 г. первые превосходили вторых в 3,75 раза, в 1917 г.— в 1,9 раза. В целом грамотность населения в возрасте старше 9 лет в Европейской России за 120 лет повысилась с 6,9% до 42,8% — в 6,2 раза.

Каким образом можно оценить достоверность полученных результатов? Она прежде всего зависит от качества исходного материала и методики его обработки. Данные, полученные в ходе Всеобщей переписи населения 1897 г., несмотря на их некоторое несовершенство, являются наиболее полными и достоверными для своего времени [35]. Еще более надежны данные переписей 1920 г. и 1926 г. [36] Предлагаемая методика

[35] Гозулов А. И. Переписи населения СССР и капиталистических стран. М., 1936, с. 189—206.

[36] Там же, с. 271—272.

ретросказания по мере отдаления от даты исходных данных не имеет отчетливо выраженной тенденции ни завышать, ни занижать средний уровень грамотности. Поэтому с большой вероятностью можно предположить, что полученные данные примерно соответствуют действительному уровню грамотности в России XIX в.

Действительная грамотность находилась в интервале между прогнозируемым ее уровнем с учетом рецидива безграмотности и прогнозируемым уровнем без учета утраты грамотности (см. табл. 9). Методика, не учитывающая рецидива безграмотности, на основе которой получены данные таблицы 1, безусловно занижает истинный уровень грамотности; учет фактора утраты грамотности оценивает грамотность более точно, но вместе с тем имеет тенденцию завышать истинную грамотность, так как темпы утраты грамотности от начала XX в. к концу XVIII в. уменьшались. Следовательно, истинная средняя грамотность всего населения Европейской России в 1797 г. находилась между 3,3% и 6,9%. Поскольку расхождения между разными оценками до 1837—1847 гг. невелики и лишь в последующем существенно возрастают (это вполне естественно, ибо вероятность прогноза с увеличением глубины предсказания понижается, а доверительный интервал возрастает; самый значительный доверительный интервал будет у прогнозируемых данных в начальной точке ретросказания — в 1797 г.), то можно полагать, что прогноз грамотности по предложенной методике до 1837—1847 гг. близок к действительной грамотности, а на 1797—1837 гг. носит ориентировочный характер, ввиду значительного увеличения доверительного интервала. Проверим этот вывод.

Прогноз уровня грамотности на 1897 г. по данным Переписи 1920 г. с учетом утраты грамотности дал результаты, полностью совпадающие с фактическими данными Переписи 1897 г. А вот ретроспективный прогноз уровня грамотности на протяжении того же межвременного периода без учета рецидива безграмотности занизил средний уровень грамотности всего населения (см. табл. 10).

Ретроспективный прогноз уровня грамотности на 1897 г. по данным Переписи 1926 г. невозможен, так как после Октябрьской революции утрата грамотности практически прекратилась и процессы изменения грамотности в течение жизни одного поколения приобрели иной характер.

С целью дополнительной проверки достоверности полученных результатов сравним данные ретросказания об уровне и динамике грамотности за 1797—1917 гг. с данными по другим источникам: земскими, губернскими, городскими переписями, со сведениями Военного министерства и др.

По сведениям земских подворных переписей, проведенных в 1907—1913 гг. (главным образом в 1911—1912 гг.) в 12 губерниях (69 уездов), грамотность крестьянского населения обоего пола старше 9 лет составляла 32% [37]; по данным ретросказания, грамотность сельского населения в эти годы составляла 32—34%. По результатам земских обследований 1880—1887 гг. (большая часть которых приходилась на 1884—1885 гг.), грамотность крестьянства (в возрасте старше 9 лет по 22 губерниям и 123 уездам) составляла 12,3—14,1% [38], по данным ретросказания — 18—22%. В обоих случаях земские данные ниже, что вполне закономерно.

По свидетельству земских статистиков, цифры земских сборников «нужно считать несколько ниже действительных, потому что крестьянин не решается иногда назвать себя грамотным, если он умеет только

[37] Рашин А. Г. Указ. соч., с. 294—295.

[38] Благовещенский Н. А. Указ. соч., с. 126—128; Бычков Г. Грамотность сельского населения (по данным земской статистики).— Юридический вестник, 1980, июль — август, с. 312.

Таблица 10

Грамотность населения Европейской России на 1897 г. по данным Переписи 1920 г.*

Возрастные группы (лет)	Сельское население						Городское население					
	мужчины			женщины			мужчины			женщины		
	1920 г.	1897 г.		1920 г.	1897 г.		1920 г.	1897 г.		1920 г.	1897 г.	
		факт.	прогн.		факт.	прогн.		факт.	прогн.		факт.	прогн.
10—19	62,9	48,8	58,1	39,8	15,8	15,1	86,4	80,4	84,6	83,0	60,4	56,1
20—29	71,9	44,4	44,5	31,3	11,8	8,9	90,7	70,9	75,8	75,8	49,8	45,9
30—39	64,8	37,8	33,9	18,4	8,3	5,9	87,1	67,8	67,1	60,0	40,2	36,3
40—49	50,0	29,1	27,8	10,5	5,2	4,5	79,1	61,3	57,4	49,4	31,1	27,5
50—59	35,8	22,7	20,3	6,6	4,3	3,7	70,0	56,9	44,4	40,0	27,2	19,8
60+	21,3	16,2	13,8	3,8	3,4	2,9	53,9	49,8	32,9	29,8	22,8	13,2
В среднем	54,4	37,7	39,3	24,1	10,0	8,6	83,7	69,1	69,0	64,0	43,8	39,3

* На сопоставимой территории в границах 1920 г. Подсчитано по источникам, указанным в примечании к таблице 4. Недостающие сведения за 1920 г. дополнены данными из Переписи 1926 г.

читать»[39]. Кроме того, крестьяне при опросах зачастую скрывали свою грамотность из опасения навлечь на себя новые повинности[40]. Данные земской статистики заниженно представляют уровень грамотности еще и потому, что земская статистика обследовала грамотность *только крестьянства* — наименее грамотной части сельского населения. Между тем в деревне проживало значительное число лиц несельских сословий, например, в 1897 г. в Европейской России — до 5,1% всего сельского населения, в том числе 4,9 млн. человек из городских сословий, 581,9 тыс. — из дворян и чиновников, 296,4 тыс. — из духовного звания, что увеличивало общую грамотность сельского населения до 19,1%, т. е. на 2,3%. Разумеется, в более раннее время, когда различие в грамотности крестьянства и других сословий было бóльшим, показатели грамотности сельского населения еще более повышались за счет представителей иных сословий, проживавших в деревне.

По сведениям Министерства внутренних дел, в 1880 г. в 34 земских губерниях среди сельских старост насчитывалось 19% грамотных[41]. По данным ретросказания, грамотность мужского сельского населения составляла около 18%. Расхождение невелико и может объясняться различием в грамотности старост и массы крестьянства.

В 1864—1873 гг. в 8 губерниях были проведены переписи населения, которые дали следующие результаты о грамотности крестьянства (см. табл. 11). Средняя грамотность крестьянства этих губерний (средняя невзвешенная) равнялась 6,1% во всем крестьянском населении, или 8,3% в крестьянском населении старше 9 лет. Между тем, по данным ретросказания, средняя грамотность сельского населения старше 9 лет в 1867 г. достигала 15—16%. Полагаем, что данные губернских переписей в 1864—1873 гг. занижают достигнутый уровень грамотности в стране по тем же причинам, по которым его преуменьшали и земские переписи 1880-х и 1910-х гг.

[39] Бычков Н. Указ. соч., с. 310.

[40] Золотов В. Исследование крестьянской грамотности по деревням, преимущественно Тверской губернии и частью Московской.— Журнал Министерства народного просвещения, 1863, ч. 118, отдел III, с. 408—409; Семевский М. И. Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 г. СПб., 1864, с. 10, 12—14.

[41] Подсчитано по: Статистические материалы по волостному и сельскому управлению тридцати четырех губерний, в коих введены земские установления. Свод данных, доставленных по циркуляру МВД, от 17 января 1880 г. за № 4 (Составлен в Канцелярии Высочайше утвержденной Особой комиссии для составления проектов местного управления). [Б. м. и г.] Табл. 1б.

Таблица 11

Грамотность крестьянства 8 губерний в 1864—1893 гг. и 1897 г.*
(в %)

Губернии	Годы	Грамотность			1897 г. об. п.
		м.	ж.	об. п.	
Архангельская	1865	10,7	1,5	5,9	20,3
Вологодская	1872—1873	18,2	0,7	9,3	17,4
Донская обл.	1873	16,6	2,5	10,7	19,5
Костромская	1867	16,1	2,0	8,6	22,0
Московская	1869	15,3	1,8	7,5	26,7
Новгородская	1864	—	—	1,4	21,0
Псковская	1863	1,9	0,3	1,1	12,1
Харьковская	1866—1868	6,3	1,9	4,0	12,8
В среднем	—	12,2	1,5	6,1	19,0

* Данные взяты из следующих работ: О числе грамотных в Архангельской губернии по Переписи 1865 г.— Архангельские губернские ведомости, 1869, № 2; Иванов А., Полиевктов Н. Материалы для истории земской деятельности по народному образованию в Вологодской губернии. — Вологодский сборник, т. 1. Вологда, 1879, с. 50 (только Вологодский уезд); Область Войска Донского по Переписи 1873 г. Итоги жителей в поселениях Области Войска Донского, кн. 5. Новочеркасск, 1879, с. 40—47; Статистическое обозрение Костромской губернии на основании Переписи 1867 г. В кн.: Статистический временник Российской империи. II. Вып. 1. СПб., 1871, с. 242—254; Боголепов И. Статистические сведения о грамотности крестьянского населения Московской губернии по Подворной переписи 1869 и 1883 гг. по уездам. — Статистический ежегодник Московской губернии за 1895 г. М., 1896. Приложение, с. 1; Фирсов Н. Н. Материалы для статистики грамотности в Белозерском уезде. — Новгородский сборник, вып. 1. Новгород, 1865, с. 301 (только временно обязанные крестьяне Белозерского уезда); Семевский М. И. Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 г. СПб., 1864, с. 81—89; его же. Грамотность в деревнях временнообязанных крестьян Псковской губернии. СПб., 1864, с. 93—95; Спасский В. Грамотна ли Харьковская губерния?— Харьковские губернские ведомости, 1867, № 1, 2, 80, 84, 91; 1868, № 60—62.

Аналогичный результат получается при сравнении грамотности городского населения по сведениям переписей 41 города (в них проживала большая часть городского населения) в 1863—1879 гг. и по даннным ретросказания. По переписям, грамотность горожан в возрасте старше 9 лет составляла 38,1% [42], по данным ретросказания — 38—48%. Разница небольшая и меньшая, чем в случае с крестьянством, поскольку городские переписи учитывали все население, проживавшее в городах.

По данным Военного министерства, среди рекрутов, набранных в 1867—1876 гг. [43], грамотность составляла: в 1867 г. — 8,7%, в 1868 г. — 9,7, в 1869 г. — 9,8, в 1870 г. — 11%, в 1871 г. — 11,1, в 1872 г. — 11,4, в 1873 г. — 12,2, в 1874 г. — 21,4, в 1875 г. — 21,3, в 1876 г. — 21,0, в 1867—1876 гг. — 13,8%.

До 1874 г. новобранцы состояли на 85% из 20—24-летних и на 15% из 25—29-летних, с 1874 г. почти исключительно из 21-летних. В 1867—1876 гг., по данным ретросказания, средняя грамотность мужчин 20—29-летней возрастной группы составляла 25—32%. Выше указывалось, что в данных рекрутских наборов существенно занижена грамотность даже после введения всеобщей воинской повинности. Этот вывод тем более верен для периода до 1874 г., когда городские и сельские общины сбывали в солдаты самую бедную и необразованную часть мужского населения [44].

Таким образом, сведения Министерства внутренних дел, земских подворных и городских переписей вполне согласуются с данными, получен-

[42] Рашин А. Г. Указ. соч., с. 295—296; Архангельские губернские ведомости, 1869, № 2; Вечеслов Н. Н. Опыт разработки результатов народных переписей в городах Казанской губернии. Казань, 1872.

[43] Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1867—1876 год. СПб., 1869—1878 (Отчет по Генеральному штабу. Приложение 3).

[44] Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976, с. 273—293.

ными по методу ретросказания, что доказывает достаточно высокую его надежность при определении грамотности.

Подведем итоги. Опыт ретросказания грамотности, давший удовлетворительные результаты, позволяет сделать ряд методических наблюдений.

Самое существенное в предложенной, как и в любой другой, методике состоит в том, чтобы правильно определить закономерности развития изучаемого явления: чем более постулируемые положения соответствуют действительности, тем точнее результат. Так, прогноз грамотности, основанный на положении сохранения полученной в детстве грамотности, дает менее надежные результаты, чем прогноз, построенный с учетом утраты с возрастом полученной в детстве грамотности, по той причине, что влияние последнего фактора в российской действительности XIX в. оказывалось бóльшим, чем влияние первого.

Выбор длины межвременного перехода является вторым важным моментом в методике ретросказания. Глубина ретросказания должна находиться в границах действия определенных закономерностей развития изучаемого явления. Увеличение глубины прогноза за эти пределы делает результаты ретросказания мало вероятными или вовсе недостоверными.

Степень вероятности результата ретросказания обратно пропорциональна глубине ретросказания. Понижение вероятности прогноза происходит постепенно и непрерывно вдоль всей временной линии до тех пор, пока характер развития изучаемого явления остается неизменным. В тех случаях, когда в реальной действительности характер развития явления приобретает иные черты, а основания ретросказания сохраняются прежними, вероятность прогноза понижается скачкообразно. В примере с грамотностью вероятность прогноза понижалась от 1897 г. к 1797 г., по-видимому, постепенно, так как у нас нет данных, говорящих о прекращении действия фактора утраты грамотности в рассматриваемое время.

Ввиду *вероятностного характера результата ретросказания* желательна проверка его достоверности. Проверку целесообразно проводить по трем направлениям: оценка достоверности исходных данных, оценка особенностей «работы» избранного метода ретросказания и оценка достоверности результата прогноза.

При выборе объекта ретросказания одинаково важны наличие достоверных исходных данных и знание процессов развития изучаемого объекта. Только доброкачественный исходный материал и надежная методика ретросказания могут дать верный результат.

Конкретная методика, использованная для реконструкции грамотности в России конца XVIII — начала XX в., применима только к данному случаю. Но в общем плане этот метод ретросказания вполне применим при анализе данных любых переписей населения, в которых имеются характеристики населения по возрастным группам.

За последнее время теория и практика прогнозирования в СССР и за рубежом достигла значительных успехов[45] и вполне результативно может быть использована в исторических исследованиях как для восстановления утраченных данных, так и для заполнения пробелов в источниках. Количественные методы, на наш взгляд, открывают широкие перспективы в области реверсивного прогнозирования и могут повысить информативную отдачу исторических источников.

---

[45] Обобщение многочисленных отечественных и зарубежных работ по теории и практике прогнозирования, вышедших за последние 10—15 лет, см. в: Рабочая книга по прогнозированию.

СОДЕРЖАНИЕ

Навстречу XXVII съезду КПСС

Сенявский С. Л.— Актуальные проблемы развития советского рабочего класса в условиях зрелого социализма 3
Ворожейкин И. Е.— Движение стахановцев: история и преемственность традиций 18
Лихолат А. В., Сиволоб Ю. В. (Киев) — Интернационализация социалистического соревнования на современном этапе (На материалах Украинской ССР) . . 38

Статьи и сообщения

Ерхан Л. С., Топузлу Г. Н. (Кишинев) — Зарождение и становление межхозяйственной кооперации в сельском хозяйстве Молдавской ССР (1946—1981 гг.) 50
Бельков О. А.— Боевое содружество народов СССР в годы Великой Отечественной войны 64
Стрижков Ю. К. Героизм советских пограничников в первых боях Великой Отечественной войны 73
Гракина Э. И.— Научные и культурные связи СССР с зарубежными странами в годы Великой Отечественной войны 84
Чапкевич Е. И.— Влияние первой русской революции на «пробуждение Азии» . . 97
Боханов А. Н.— Российское купечество в конце XIX — начале XX века . . . 106
Каштанов С. М.— Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI века 118

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Миронов Б. Н. (Ленинград) — Грамотность в России 1797—1917 годов. Получение новой исторической информации с помощью методов ретроспективного прогнозирования 137
Белковец Л. П. (Томск) — К вопросу об оценке историографических взглядов Г. Ф. Миллера 154
Карацуба И. В.— Некоторые источниковедческие аспекты изучения записок английских путешественников по России (Стереотипы их восприятия и оценок российской действительности) 166

Критика и библиография

Книги по истории народов СССР

Ненароков А. П.— Д. И. Антонюк. Динамизм культурного строительства в Советской Молдавии (Опыт партийного руководства) 173
Яанвярк Э. Э.— Карелы Карельской АССР 175
Вилкс Б. Я. (Рига) — М. О. Бич. Рабочее движение в Белоруссии в 1861—1904 гг. 177

Книги по истории советского книгоиздания

Илизаров Б. С.— История книги в СССР. 1917—1921. Т. 1 179
Хлевнюк О. В.— А. И. Подгорнова. Советское книгоиздание в 20-е годы . . . 181

Алексеев В. В. (Новосибирск) — Е. И. Пивовар. Советские рабочие и НТР. По материалам автомобильной промышленности СССР. 1966—1975 гг. . . . 183
Григорьев Л. Г.— Советско-чехословацкие отношения. 1977—1982 гг. Документы и материалы 185

Обзор

Пирумова Н. М., Плимак Е. Г.— «Освободительное движение в России». Межвузовский научный сборник Саратовского государственного университета 187

История СССР за рубежом

Чертина З. С.— Новейшая буржуазная историография о развитии наций и народностей СССР на современном этапе (По материалам Советской Средней Азии) 193

Сведения об авторах 206

207